

ГРАФЪ Д. А. МИЛЮТИНЪ

ВЪ ОТЗЫВАХЪ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ 1).

(Окончаніе).

Долгое время (1837—1852) стоявшій во главѣ военнаго вѣдомства князь Червышевъ неизмѣнно докладывалъ Государю Николаю I, что устройство военнаго управленія находится на желательной степени совершенства, не требуя никакихъ существенныхъ измѣненій. Крымская кампанія изобличила министра. Первый подалъ свой гѣлосъ графъ Ридигеръ— главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Онъ указалъ на вредъ излишней централизаціи. Онъ явился (въ 1855 г.) первымъ вдохновителемъ Императора Александра II къ военнымъ преобразованіямъ. Но до появленія у власти Милютина стремленіе къ усовершенствованію не находило своего надлежащаго двигателя.

15-го января 1862 г. Д. А. Милютинъ повергъ на благовоззрѣніе Государя основныя идеи задуманной имъ коренной реформы военнаго вѣдомства. Нужно было достичь должной бережливости,

1) См. № 4 «Воен. Сб.».

искоренить злоупотребленія, уничтожить вредъ крайней централизаціи, поднять уровеньъ образованія отдѣльныхъ единицъ, составившихъ армію, надлежало достичь хорошаго выбора начальниковъ и пр. Такова его министерская программа.

При всякой важной реформѣ, какъ бы благодѣтельна и важна она ни была, всегда найдутся люди, изъ которыхъ одни не сумѣютъ ее оцѣнить по достоинству, другіе преднамѣренно не пожелаютъ ее признать.

Все вѣдомство охвачено было работой. Сокращался срокъ службы солдата, улучшались его пища и жилище, отмѣнялись ужасные смертобойные шпицрутены, поднималась личность воина и проч. Но рядомъ зрѣла сильная интрига. Во главѣ ея стоялъ сперва шефъ жандармовъ П. А. Шуваловъ, желавшій столкнуть военнаго министра. Не забудемъ, что Шуваловъ имѣлъ свой большой и очень вліятельный день въ исторіи Россіи, почему его прозвали даже Петромъ IV («Русск. Стар.», 1910 г., июль, стр. 14, С. П. Зыковъ). Партія интриги не погнушалась помощью германскаго посланника, принца Рейса, который имѣлъ значительное вліяніе на Государя, дѣйствуя именемъ Вильгельма I. «Въ сущности же говоря», пишетъ въ своихъ запискахъ членъ военнаго совѣта, генералъ Ник. Гавр. Залѣсовъ (см. «Русск. Стар.» 1905, июнь, стр. 517 и др.), «вся эта партія, сама, можетъ быть, того не сознавая, работала по дудкѣ Бисмарка, боявшагося развитія военныхъ силъ Россіи и національнаго направленія ея политики». За свои услуги Шуваловъ пользовался огромнымъ расположеніемъ Бисмарка, а черезъ него — и самого Вильгельма.

Заработала печать. Газета «Русскій Міръ», руководимая врагомъ Милютинъ — генераломъ Черняевымъ, образовала одну позицію; газета «Голосъ» — другую, хотя здѣсь оглашались статьи рго и сонга; газета «Вѣсть» (Скарятинъ) набрасывала тѣнь на всѣ военныя реформы безъ исключенія. Шла горячая перестрѣлка между Черняевымъ, В. В. Комаровымъ, Р. А. Фадѣевымъ — съ одной стороны, Анненковымъ, Аничковымъ, Обручевымъ, Быковымъ, Зыковымъ — съ другой, и естественно, что «Русскій Инвалидъ» не могъ остаться спокойнымъ зрителемъ происходившей борьбы.

Фадѣевъ — старшій адъютантъ князя Барятинскаго и Милютинъ уже на Кавказѣ сдѣлались антиподами по воззрѣніямъ и характерамъ. Однажды Фадѣевъ особенно настойчиво, скрывая причину, требовалъ курьерской подорожной. Милютинъ отказалъ, не зная настоятельна ли его потребность. Фадѣевъ сталъ шумѣть.

и кричать. Милютинъ, всегда скромный и учтивый, на этотъ разъ прибѣгъ къ способу, совершенно не свойственному его характеру. «Если вы будете возвышать голосъ», сказала Дмитрій Алексѣевичъ, «я прикажу васъ арестовать». Съ этого времени непріязненные отношенія не прекращались. Милютинъ относился къ Фадѣеву саркастически, Фадѣевъ же не скрывалъ своего нерасположенія къ Милютину (В. А. Инсарскій, «Русск. Стар.» 1904, ноябрь, стр. 272). Впослѣдствіи противники писали, что въ его огульномъ протестѣ противъ всѣхъ реформъ видно «слѣпое увлеченіе личнымъ чувствомъ, отъ котораго нельзя ожидать справедливости» («Бирж. Вѣдом.» 1871, № 35).

Партія интриги избрала своимъ главой фельдмаршала князя Барятинскаго, покорителя Кавказа. Къ князю Барятинскому примыкали графъ Коцебу, гр. Лидерсъ и отчасти генераль Драгомировъ.

«Противъ военнаго министра Милютина ратуеть сильно партія, осуждающая его управленіе», читаемъ въ дневникѣ Никитенки. «Наряжена комиссія для изслѣдованія нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ по арміи, подъ предсѣдательствомъ князя Барятинскаго.... Милютинъ, говорятъ, подавалъ въ отставку, но ея не приняли» (А. В. Никитенко, стр. 326).

Надо сказать, что князь А. И. Барятинскій много содѣйствовалъ тому, что Милютинъ былъ назначенъ министромъ. Въ 1858 г. князь Барятинскій собирался въ Петербургъ. Близкій его сотрудникъ, В. А. Инсарскій, приводя въ порядокъ бумаги князя, которыя онъ собирался взять съ собой, невольно замѣтилъ реестръ важнѣйшихъ вопросовъ, о коихъ князю предстояло лично говорить съ Государемъ. Первый пунктъ реестра гласилъ: «Милютинъ товарищъ военнаго министра». Эта лаконическая собственноручная строка князя — начало большой карьеры Милютина («Русск. Стар.» 1904, ноябрь, стр. 266).

Когда назначеніе состоялось, князь Барятинскій, весьма обрадованный этимъ извѣстіемъ, писалъ Милютину: «Несмотря на мое молчаніе, вы, однако-жъ, увѣрены, что день, въ который я узналъ, что Государь имѣетъ васъ своимъ министромъ, былъ для меня торжественнымъ. Я знаю вашу привязанность къ его особѣ, знаю ваши правила и все то, чѣмъ щедро Богъ васъ наградилъ, и что вы посвятите свою жизнь на славу его арміи и царствованія, могъ-ли я не быть въ восторгѣ? Вѣдь такъ мало честныхъ людей въ Петербургѣ» («Русск. Арх.» 1889, XI, 340. Барсуковъ. Погодинъ, т. 19, стр. 205).

Но вскорѣ тотъ же Барятинскій сдѣлался главнымъ противникомъ Милютина, разойдясь въ принципахъ со своимъ прежнимъ помощникомъ. Враги!... Давно-ли «мысли и дѣла дѣлили дружно»...

Князь Барятинскій былъ поклонникомъ германской военной системы и, будучи личнымъ другомъ Александра II, рассчитывалъ водворить ее въ Россіи. Эта система ставила боевую и строевую часть выше и впереди администраціи съ ея интендантствомъ, судебными дѣлами и пр. Она сосредоточивала завѣдываніе всею боевою подготовкою арміи въ рукахъ начальника штаба; всю же административную часть вручала военному министру. Князь Барятинскій, надѣясь занять мѣсто начальника штаба, рекомендовалъ на должность министра Милютина. Но обстоятельства измѣнились. Князю Барятинскому пришлось жить за границей. Тѣмъ временемъ Милютинъ приобрѣлъ полное довѣріе Государя и сталъ проводить всѣ реформы въ духъ французской системы, по которой военный министръ являлся единственнымъ руководителемъ всего вѣдомства, сосредоточивая въ своихъ рукахъ какъ боевую, такъ и административную части арміи. Милютинъ былъ поклонникъ территоріальной системы военного управленія, а потому ратовалъ за введеніе военныхъ округовъ. «Если Франція и другія европейскія государства съ несравненно меньшей территоріей находили эту систему выгодною, то для насъ она должна была явиться особенно благодѣтельною».

Несомнѣнно, что Милютинъ своими реформами обновилъ военный строй Россіи, внеся въ него живую струю и открывъ выходъ людямъ таланта.

Въ 1869 г. князь Барятинскій обрушился всею силою своего убѣжденія, авторитета и высокаго положенія на милютинскія реформы. Имѣется указаніе на то, что князь Барятинскій, по желанію Государя, составилъ подробную записку по поводу «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время» («Русск. біогр. словарь Половцова», II, 541). «Онъ ставилъ реформѣ въ упрекъ ея слишкомъ бюрократическій характеръ и, какъ на главный ея недостатокъ, указывалъ на проведенное во всѣхъ положеніяхъ и уставахъ преобладаніе штабного элемента надъ строевымъ, подчиненіе строевыхъ начальниковъ вліянію и контролю штабовъ и управленій (Татищевъ. «Александръ II», т. II, стр. 142). На томъ же настаивалъ Р. А. Фадѣевъ («Нашъ военный вопросъ». Спб. 1873), говоря, что это значитъ жертвовать цѣлью—средствамъ. Административная опека—замѣна живого дѣйствія писаніемъ. Канцелярскій порядокъ и военное дѣло—вода и огонь. Быть администрато-

ромъ и не имѣть въ виду прежде всего военныя цѣли, далось только Наполеону I. Фадѣевъ находилъ, что съ 1862 г. въ военномъ вѣдомствѣ стали преобладать бюрократическія требованія, что ротный командиръ имѣлъ дѣло съ 17-ю шнуровыми книгами, что командиръ полка потерялъ всякое значеніе, «когда каждый начальникъ отдѣленія военныхъ канцелярій—генераль, а каждый столоначальникъ—полковникъ» («Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Спб. 1874, стр. 151—153).

Фельдмаршалъ находилъ въ новомъ положеніи униженіе военного начала предъ административнымъ, основаннымъ у насъ теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительномъ чувствѣ взаимнаго недовѣрія, несвойственного военному духу... «Боевой духъ армія», рассуждалъ онъ, «необходимо исчезаетъ, если административное начало, только содѣйствующее, начинаетъ преобладать надъ началомъ, составляющимъ честь и славу военной службы. Во избѣжаніе сего, въ нѣкоторыхъ первоклассныхъ державахъ, гдѣ армія проникнута превосходнымъ боевымъ духомъ, военный министръ избирается изъ гражданскихъ чиновъ, чтобы не допустить его до возможности играть роль въ командованіи. Отъ военного министра не требуется боевыхъ качествъ; онъ долженъ быть хорошій администраторъ. Оттого у насъ онъ чаще назначается изъ людей, неизвѣстныхъ арміи и въ военномъ дѣлѣ мало или вовсе опыта не имѣющихъ, а иногда не только въ военное, но и въ мирное время совсѣмъ солдатами не командовавшихъ. Впрочемъ, неудобства отъ этого быть не можетъ, если военный министръ строго ограниченъ установленнымъ для него кругомъ дѣйствій. Вождь арміи избирается по другому началу» (Татищевъ. «Имп. Александръ II», т. II, стр. 143).

Фельдмаршалъ доказывалъ далѣе, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центрального военного управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсрата, давно осужденнаго исторіею. Мало того: въ положеніи 1868 года все управленіе арміею понижено въ значеніи, перемѣною названій чиновъ штаба, переименованнаго изъ главнаго въ полевой. Начальникъ этого штаба поставленъ относительно военного министерства въ зависимость вредную и небывалую. «Армія на войнѣ», свидѣтельствовалъ кн. Барятинскій, «подобно кораблю на океанѣ, снаряженному сообразно указанной ему цѣли; онъ заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ средства существованія и успѣха»

(Татищевъ. «Имп. Александръ II», т. II, стр. 143; а также «Историческій очеркъ развитія военнаго устава въ Россіи», стр. 561).

Наконецъ, и это былъ не меньшій изъ упрековъ фельдмаршала новому положенію, «ниспровергающему», какъ онъ выразился, «завѣтныя основанія нашего военнаго быта: въ первый разъ съ 1716 года въ русскомъ военномъ уставѣ о Государѣ не упоминается. Нѣтъ даже и представителя Монарха на войнѣ, вслѣдствіе чего единство командованія неизбежно сосредоточилось въ министерствѣ» (Татищевъ. «Импер. Александръ II», т. II, стр. 144). Тонъ записки кн. Барятинскаго былъ желчный, возбужденный противъ военнаго министерства.

Сторонники кн. Барятинскаго употребляли всѣ средства, чтобы уронить Милютину во мнѣніи Государя. Они распустили слухи, что проекты Милютина можетъ быть и очень хороши, но Государь положительно ихъ не понимаетъ («Рус. Стар.», 1905 г., июнь, стр. 523).

Милютинъ зналъ, что обширной государственной реформой, которая затрагивала столько интересовъ, нельзя было всѣмъ угодить. Отъявленные противники должны были найтись. Но министръ надѣялся, что имъ не удастся поколебать Государя, и Александръ II на докладѣ собственноручно отмѣтилъ: «Нѣтъ, не колебали».

Въ то время (1869 г.), когда кн. Барятинскій выступилъ со своей запиской, проектъ Милютина былъ уже утвержденъ (1868 г.) и обнародованъ. Чтобы удовлетворить домогательствамъ князя, Высочайше повелѣно было передать его записку на заключеніе Великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, а также фельдмаршала гр. Берга. Послѣдній не усмотрѣлъ основаній къ пересмотру «Положенія о полевомъ управленіи войскъ». Великій князь Михаилъ Николаевичъ, хотя видимо находился подъ вліяніемъ записки Барятинскаго, по призналъ ломку закона подрывающей къ нему уваженіе. Генераль-адъютантъ Милютинъ съ своей стороны представилъ возраженіе по всѣмъ пунктамъ обвиненія кн. Барятинскаго («Столѣтіе военнаго министерства», т. I, стр. 561—562).

Были, слѣдовательно, моменты, когда казалось, что враги Милютина близки къ желаемой цѣли. Но осенью 1872 г. система Милютина окончательно восторжествовала. «Военный министръ сіялъ». Онъ побѣдилъ современниковъ, но судъ потомства еще не окончень и наше поколѣніе не скоро разберется въ результатахъ

реформы милютинской эпохи, глубоко вошедшей въ огромный и сложный военный организмъ. Его реформа еще сотни разъ будетъ предметомъ горячихъ споровъ. Даже лица, благоговѣвшіе передъ его свѣтлой личностью, подобно, напримѣръ, генералу В. Д. Кренке, заявили, что гр. Милютинъ, никогда не командовавшій отдѣльной частью, зачастую не различалъ объявленія приказа отъ дѣйствительнаго исполненія его на практикѣ, бумагу нерѣдко ставилъ выше дѣла, и нельзя не признать, что въ военномъ вѣдомствѣ за его управленіе развелась бюрократія, которая преобладала иногда надъ самымъ дѣломъ. Офицеры генеральнаго штаба и бывалые адъютанты всѣ обратились въ чиновниковъ... Но съ какой любовью все это было высказано критикомъ!.. «При всемъ томъ», заключаетъ В. Д. Кренке, «должно желать, чтобы исторія сказала тоже, что говорятъ современники: дай Богъ, чтобы въ Россіи было побольше Милютиныхъ» («Рус. Стар.», 1872, июль, 137).

Гр. Милютинъ зналъ это обвиненіе и, въ 1882 г., будучи уже на покой въ Крыму, отвѣтилъ цифровыми данными, изъ которыхъ видно, что за періодъ самой кипучей дѣятельности вѣдомства съ 1863 по 1873 г. число бумагъ уменьшилось на 45%. (См. «Вѣстн. Евр.» 1882, I, 18; а также «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ». Спб. 1912, т. I, стр. 533 и 535).

На своемъ вѣку гр. Милютинъ выслушалъ о своихъ реформахъ самые разнообразные отзывы.

Въ вышедшемъ въ 1870 г. въ Берлинѣ сочиненіи «Die Heeresmacht Russlands, ihre Neugestaltung und politische Bedeutung» между прочимъ говорится: «Ни одно изъ всѣхъ этихъ государствъ (т. е. Пруссія, Англія, Італія, Франція и Австрія) не пошло такъ далеко въ своихъ реформахъ и не провело ихъ такъ настойчиво, какъ Россія. Не болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, если не на русскаго солдата, то на русскія военныя учрежденія. Слова: «La Russie se recueille» содержатъ въ себѣ глубокую правду. Россія собралась съ силами (Russland hat sich gesammelt). Если прежнее военное устройство русскаго государства было гнило, шатко и не соответствовало силамъ страны, то теперь сумѣли воспользоваться средствами Россіи и создали военную организацію, возвысившую ее до первостепеннаго военного могущества («Столѣтіе военнаго министерства», т. I, 371).

Не проходитъ и года, какъ нѣмцы, на глазахъ Милютина, одолеваятъ Францію, потребовавъ 5-тимиллиардную контрибуцію и ко-

роновавъ Вильгельма I въ Версали императоромъ Германіи. Нечего и говорить, что Р. А. Фадѣевъ и его партія торжествовали и эхо ихъ ликованія можно наблюсти въ его статьяхъ («Бирж. Вѣдомости» 1871 года, №№ 1, 2, 5, 9, 12 и 19), въ которыхъ значится: «и громъ событій разбудилъ-де насъ... Одно колесо нашей телѣги было уже въ оврагѣ... но великъ Богъ христіанскій» и пр.

Въ 1870 г. баронъ Л. Л. Зедделеръ былъ командированъ въ прусскую армію для участія въ Франко-германской войнѣ. По возвращеніи изъ Пруссіи, Зедделеръ имѣлъ счастье представиться Императору Александру II и лично передать ему свои выводы и впечатлѣнія.

«Изъ всѣхъ высшихъ военныхъ лицъ», отмѣтилъ баронъ Зедделеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, «Д. А. Милютинъ менѣе всѣхъ выказалъ вниманіе къ офицеру, имъ же избранному для принятія участія въ войнѣ. Причина тому, какъ говорили, лежала въ нерасположеніи его къ Пруссіи и явномъ предпочтеніи имъ письменныхъ донесеній, вслѣдствіе чего онъ, по возможности, избѣгалъ устныхъ объясненій. Не меньшее вліяніе на министра произвело то обстоятельство, что успѣхи германцевъ разрушили вѣрованія его въ силу французской организаціи, которой онъ придерживался при преобразованіяхъ, предпринятыхъ имъ въ нашей арміи. Кому не извѣстно, что всѣ почти офицеры генеральнаго штаба, отправлявшіеся въ шестидесятыхъ годахъ за границу для изученія иностранныхъ армій, останавливались въ Берлинѣ лишь для перемѣны военного платья на гражданское, а затѣмъ спѣшили въ излюбленную Францію. Немудрено, что наше военное министерство не имѣло необходимыхъ свѣдѣній о той громадной работѣ, которая велась въ Германіи. Немудрено также, что не понравились многимъ, власть имѣющимъ, указанія мои, что не «случайность, а трудъ долготлѣнный, неустанный и самоотверженный привелъ Пруссію къ небывалымъ еще успѣхамъ» («Истор. Вѣстникъ» 1909 г., мартъ, стр. 295—296. Баронъ Л. Л. Зедделеръ).

Франко-прусская война 1870—1871 гг. внесла нѣкоторыя существенныя поправки въ систему ген.-адъютанта Милютина. Основа управленія арміи осталась прежняя. Военная критика, однако, указала, что дѣйствовавшимъ «положеніемъ» главнокомандующій былъ обремененъ непосредственными сношеніями съ большимъ количествомъ лицъ, такъ какъ въ полевомъ управленіи было одиннадцать лицъ, непосредственно ему подчиненныхъ. Главнокомандующаго заваливали дѣлами, которыя отвлекали его внима-

ніе отъ первѣйшей его задачи—управленія арміей («Столѣтіе военнаго министерства», т. I. стр. 567; см. также А. Редигеръ «Устройство полевого управленія въ нашей арміи»). Опытъ войнъ 1866 и 1870—1881 гг. побудилъ ген.-адъют. Милютина также вернуться къ системѣ упраздненныхъ имъ корпусовъ. Онъ оставилъ высшей тактической единицей—дивизію. Въ 1874 г. было утверждено «положеніе объ управленіи корпусомъ».

Наступило новое царствованіе. Во главѣ военнаго министерства былъ поставленъ ген.-адъют. П. С. Ванновскій. Собрали огромную особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ ген.-адъют. гр. П. Е. Коцебу. Надлежало разобраться въ вопросѣ: требуетъ ли военное вѣдомство коренной реформы? За сохраненіе коренныхъ основъ прежней системы высказался 21 членъ комиссіи, противъ 9-ти. Польза военно-окружной системы также была признана, но потребовали переработки положенія о полевоомъ управленіи войскъ въ духѣ прежняго управленія (1812 г.) и указаній опыта («Столѣтіе военнаго министерства», т. I, стр. 585).

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На престолъ Россіи вступилъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ. Въ рескриптѣ, данномъ, 16-го августа 1898 г., на имя гр. Милютина, говорилось: «Обновленная и преобразованная армія испытала боевое крещеніе въ минувшую турецкую войну 1877—1878 гг. и на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ и въ Азіи одинаково явила подвиги мужества, терпѣнія и самоотверженной преданности Государю и родинѣ, стяжавшіе ей неувядаемую славу».

Таковы официальные провѣрочныя стадіи, пройденныя реформами, въ которыхъ Милютинъ проявилъ много умѣнья, искусства и добросовѣстности.

Еще одно важное свидѣтельство. Князь А. Д. Оболенскій рассказываетъ, что при представленіи М. Д. Скобелева, по случаю возвращенія изъ Ахаль-Текинской экспедиціи, Государь Императоръ Александръ III сказалъ ему, что задумалъ большую реформу арміи. На это будто-бы Скобелевъ отвѣтилъ: «Дай Богъ намъ оставить нашу армію на той высотѣ, на которую ее поставили Александръ II и гр. Д. А. Милютинъ («Столичная Молва», 1912 г., 13-го февраля и «Бирж. Вѣд.»—вечерній вынукъ того же числа).

Система организаціи обороны государства большой жизненный вопросъ и съ нимъ всѣмъ придется встрѣтиться. Мы чувствовали себя до сихъ поръ иностранцами въ собственной странѣ (С. А. Котляревскій). Теперь, когда измѣнился государственный строй въ

нашемъ отечествѣ, силою обстоятельствъ всѣ вынуждены встать ближе къ созидательной работѣ, происходящей въ разныхъ сферахъ дѣятельности. И тутъ прежде и ближе всего коснется всѣхъ военное дѣло.

Гроза Дальняго Востока вновь освѣтила многія стороны нашей жизни. До послѣдняго времени мы, претендуя на обладаніе послѣдними выводами высшей мудрости, развязно говорили: «война—преступленіе, патриотизмъ—пережитокъ старины, армія—главный тормазъ прогресса»... Даже въ «Журн. Министер. Юстиціи» (1899 г., апр., статья В. М. Гессена) печатали: «Война есть зло... Современное искусство развѣнчало войну, стерло съ ея безобразнаго лица румяна напускнаго воодушевленія и восторга, сорвало съ ея скелета классическую тогу величія, разбросало по вѣтру мишурныя блестящія ея красоты»...

Нѣтъ, эти положенія вопіюще ложны. Разоруженіе невозможно. Помните, что сказалъ еще Владиміръ Мономахъ: «Оружія не слагайте съ себя, ибо, въ случаѣ тревоги, человекъ погибаетъ; не для чего землю орати, коли ее не боронити; придетъ половчанинъ, убьетъ пахаря, возьметъ коня и землю». Миротлюбіе не избавитъ насъ отъ внѣшней опасности. Прогрессируютъ народы, не забывающіе меча. Во главѣ цивилизаціи останутся наиболѣе воинственные и патриотическіе народы. На міровой аренѣ можно стоять только вооруженнымъ.

Въ основѣ патриотизма лежитъ привязанность къ родной культурѣ. Любовь къ родинѣ питаетъ и вызываетъ уваженіе къ арміи. Армія—олицетвореніе государственной идеи. Между арміей и народомъ, конечно, должна существовать духовная связь, но армія безъ воинскаго духа—тѣло безъ души. Воинская сила должна быть такъ организована, чтобы во всѣ норы ея свободно проникалъ воинскій духъ. Въ этой организаціи на первомъ мѣстѣ должно стоять боевое начало. Остальному отводится служебная роль.

Назначеніе арміи должно быть ясно для всего общества и оно обязано готовить для него достойныхъ сыновъ, пробуждая въ нихъ своевременно дома и въ школахъ героическое міровоззрѣніе.

Споръ кн. Барятинскаго съ гр. Милютинимъ по его послѣдствіямъ не оконченъ. Жизнь сотни разъ вернетъ насъ къ этому важному вопросу. До сихъ норъ побѣда въ официальныхъ сферахъ оказывалась на сторонѣ графа Милютина. Тѣмъ не менѣе мы лично всецѣло раздѣляемъ воззрѣнія кн. Барятинскаго.

Въ 1877 г. мы очутились въ войнѣ съ Турціей, которая, кстати сказать, была въ значительной степени подготовлена другомъ графа П. Шувалова—княземъ Бисмаркомъ. Онъ, искусно играя на до-стоинствѣ Россіи, требовавшемъ возвращенія части Бессарабіи, отданной по Парижскому трактату, незамѣтно расчищалъ путь къ нашему столкновенію съ Турціей («Рус. Стар.», 1905 г., июнь, стр. 538, Н. Г. Залѣсовъ).

Турецкая война явилась первой боевой и практической про-вѣркой системы, введенной Милютинымъ. Выдержала ли она испы-таніе? Одни говорили да, другіе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ мы вышли побѣдителями изъ этой борьбы и побѣдителей не судятъ. И не о «судѣ потомства» здѣсь рѣчь. Воздадимъ прежде всего отошедшему въ вѣчность крупному дѣятелю должное за его труды, за славу, за добро. «Не будемъ вырѣзывать дурныхъ поступковъ на мѣди, а добрые писать на водѣ» (Шекспиръ). «Кто ищетъ истины—не чуждъ и заблужденья».

Не судить я призываю. Мнѣ желательно указать только, чѣмъ являлась война 1877—1878 гг. въ личной жизни Милютина; что онъ долженъ былъ пережить и перестрадать въ долгіе мѣсяцы борьбы съ турками. Война застигла насъ врасплохъ, среди реформъ. Старое было сломано, новое не срослось. Со дня объявленія войны для него началась новая тяжелая драма.

«Боже, какъ трудно быть главкомандующимъ!» сказалъ Великій Князь Николай Николаевичъ. «Чего только не нужно въ себѣ вмѣщать: и волю, и терпѣніе, и выдержку»... (В. Жерве, стр. 144). «Боже, какъ трудно быть военнымъ министромъ», съ такимъ же правомъ могъ воскликнуть Милютинъ. Началась мобилизація и она вскрыла рядъ недочетовъ. Армія выступила въ походъ съ ружьемъ Крынка (Берданка являлась исключеніемъ) и 4 и 9 фун-товыми орудіями, тогда какъ у турокъ оказались ружья Пибоди-Мартини и дальнобойныя орудія. Но главное—мы начали войну съ недостаточной арміей: ея численность не соответствовала поста-вленной ей задачѣ. Милютинъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые нахо-дили, что высланныхъ силъ было достаточно. Государь корилъ Ве-ликаго Князя Главкомандующаго въ опрометчивой поспѣшности дѣйствій и въ разброскѣ силъ. Великій Князь былъ убѣжденъ въ томъ, что такое мнѣніе внушено военнымъ министромъ. Между Великимъ Княземъ и Милютинымъ установились шероховатыя отношенія и Августѣйшій Главкомандующій не давалъ себѣ труда скрывать эти отношенія. Великій Князь оправдывался въ своихъ

дѣйствіяхъ и выражалъ недовольство на то, что ему своевременно не давали подкрѣпленій (М. Газенкампфъ, стр. 74—75, 117 и др. Д. А. Скалонъ, Д. С. Арсеньевъ, «Рус. Арх.» 1911 г., № 12). Надо полагать, что подобныхъ столкновеній въ періодъ войны было не мало. Князь А. Д. Оболенскій рассказываетъ, что послѣ второй Плевны наша армія переживала критическій моментъ: опасались, что турки уничтожатъ мостъ черезъ Дунай. Главнокомандующій яко-бы настаивалъ на необходимости увести армію въ Румынію. Милютинъ энергично протестовалъ.

— Ну, такъ и командуйте сами арміей.

— Если Государю будетъ угодно, то я и буду командовать, почтительно отвѣтилъ Милютинъ («Столичная Молва», 1912 г., 13 февр.). Плевна явилась для военнаго министра тяжелымъ урокомъ. Онъ созналъ, наконецъ, что свѣдѣнія его о туркахъ были ошибочны, что дѣйствія противъ нихъ начаты съ большимъ запозданіемъ и предложилъ усилить армію. Припомните ближайшія обстоятельства. Государь волновался мрачными предчувствіями. Его нервы не выдержали страшнаго напора сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній. Было 30-е августа—Тезоименитство Монарха. Этотъ день былъ избранъ для общаго штурма. Кругомъ уныло и пасмурно. Грохотали орудія, слышался немолчный трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Шло богослуженіе. Государь погрузился въ горячую молитву. Слезы струились по печальному лицу. Ведется штурмъ и... мы вновь отбиты!! Собирается совѣтъ. Въ рѣшеніи нѣтъ согласія. Царь мужественно присоединяется къ мнѣнію меньшинства и повелѣваетъ покончить дѣло у Плевны.

Но нижніе чины безъ сапогъ, шинели и мундиры—одни лохмотья, какъ писалъ Главнокомандующій. Продовольствіе... Но интендантство давно обнаружило свою несостоятельность и пришлось пользоваться услугами евреевъ Грегера, Горвица и Когана. Обозъ оказался тяжелымъ и непригоднымъ для горной мѣстности. Пусть такъ! Но все это лишь матеріальная сторона дѣла. Духъ же русской арміи вполне выдержалъ испытаніе, а въ немъ вся сущность.

Одинъ изъ умѣйшихъ русскихъ людей, наблюдавшихъ все происходившее за Дунаемъ, лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ, назвалъ эту кампанію «невѣжественной». Милютинъ много потрудился надъ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня въ арміи. Конечно, его силъ и его времени было мало для искорененія застарѣвшаго зла. Образование проникаетъ въ общество медленно. «Эта

кампанія», продолжаетъ Боткинъ, «тяжело отзовется на всей странѣ, и долго будетъ чувствоваться эта тяжесть. Въ концѣ-концовъ утѣшительно только одно, что невѣжество и бездарность сотрутся и осязательно почувствуется значеніе знанія, ума и таланта. Россія не погибнетъ; она выйдетъ изъ этого затрудненія, но другіе дѣятели, другіе люди будутъ спасать ее» (Н. С. Блюхъ. «Будущая война», II, 467).

Боткинъ продолжаетъ: «Здѣсь идетъ такая вражда другъ съ другомъ, столько зависти разлито въ видѣ какой-то гнусной, клейкой жидкости, замазывающей всѣ остальные человѣческія свойства, что ко всякому факту надо относиться съ осторожностью. Пора, пора вонъ изъ этого ада тщеславія, зависти, сребролюбія и пр. и пр.... Кто виноватъ во всѣхъ неудачахъ? Недостатокъ культуры, по моему, лежитъ въ основѣ всего развернушагося передъ нашими глазами; слишкомъ легко сваливать все на одного человѣка; не надо себя убаюкивать подобными обвиненіями; слѣдуетъ каждому подѣлиться этой неудачей и, раздѣливъ ее на всѣхъ, принять за честное исправленіе недостатковъ; надо трудиться, надо учиться, надо имѣть больше знаній, и тогда не придется получать уроковъ ни отъ Османовъ, ни отъ Сулеймановъ» (И. С. Блюхъ. «Будущая война», II, 472).

Какъ тяжело долженъ былъ чувствовать себя среди подобной обстановки Милютинъ, все существо котораго дышало благородствомъ и деликатностью и который четверть вѣка трудился надъ поднятіемъ общаго нравственнаго и умственнаго уровня въ арміи! Неудивительно, если онъ съ горечью говорилъ, что потерялъ надежду на скорое окончаніе войны (М. Газенкампфъ, стр. 100). Государь волновался тѣми-же мрачными мыслями...

Милютинъ зорко присматривался къ производившемуся экзамену всей его системы. Скачетъ, нанримѣръ, корреспондентъ (Вас. Немировичъ-Данченко) и рассказываетъ Милютину, что онъ видѣлъ, какъ осиротѣвшій Орловскій баталіонъ, безъ офицеровъ, самъ отбивался отъ остервенѣлыхъ атакъ сулеймановскихъ таборовъ... «Вотъ онъ новый солдатъ!.. Старый безъ офицеровъ умиралъ бы, а эти сами знаютъ, куда имъ броситься, въ какіе ложемента подать помощь... «Да, это душа новаго, нашего солдата, солдата Александра II», сказалъ яко-бы Милютинъ... «Солдатъ оказался на высотѣ—значить, намъ нечего пугаться... Мы на настоящей дорогѣ...» («Рус. Слово», 1912 г., 26 янв. Немировичъ-Данченко).

Наконецъ, наша армія у стѣнъ Константинополя. Чувствуется какое-то колебаніе. Происходитъ путаница съ пересылкой важнѣйшихъ телеграммъ. Идетъ борьба мнѣній и вліяній. Его Величеству были, между прочимъ, внушены преувеличенныя ожданія отъ дружескихъ свиданій и бесѣдъ Великаго Князя съ султаномъ. Вообще на театрѣ войны все время чувствуется невольное установленное двоевластіе. Государь вполнѣ искренно не желалъ стѣснять дѣйствій Главнокомандующаго (Д. А. Скалонъ), но одно его пребываніе въ арміи, само собой, роковымъ образомъ, создавало два лагеря. Искры недовольства показывались то здѣсь, то тамъ. Исторія не раскрыла еще всѣхъ подробностей. Много остается нераспутанныхъ узловъ.

Но тѣмъ не менѣе многіе, отойдя отъ этихъ событій на 30 лѣтъ, говорятъ: нѣтъ, вы не смѣли взять Константинополя. «Послѣ Санъ-стефанскаго мира мы были на порогѣ новой войны съ Австріей», заявилъ гр. С. Ю. Витте, «и оказалось, что воевать мы не можемъ: побѣдивъ турокъ преимущественно численностью, мы очутились въ военномъ отношеніи почти съ пустыми карманами». («Русское Слово» 1912, № 21). Послѣ Санъ-Стефано мы вынуждены были явиться на судъ европейскаго ареопага въ Берлинѣ».

Не буду разбирать насколько правъ С. Ю. Витте. Мнѣ извѣстно только, что значительная часть тяжести событій того времени пала на плечи Милютина. Онъ считался «всемогущимъ» (Н. С. Карцевъ. «Рус. Стар.», 1908, іюнь, 479). Въ дни болѣзни канцлера кн. Горчакова высшее завѣдываніе иностранными дѣлами возлагалось на Милютина. «Европейскій миръ покоится въ его рукахъ», писалъ гр. Андраши князю Бисмарку 20 августа (1 сент.) 1879 года. «Руководящимъ министромъ, насколько таковой имѣется нынѣ въ Россіи, сталъ военный министръ Милютинъ», сообщалъ тогда же Бисмаркъ королю Баварскому.

Вотъ блѣдный очеркъ того положенія, въ которомъ находился Милютинъ. И теперь, вспоминая его жизнь и дѣла, представьте себѣ количество труда, выпавшее на его долю, количество треній, которыя его уязвляли, всю чашу страданій, которую онъ испилъ за родину. Сколько тревоженій и непріятностей пришлось ему перенести! Тяжелую отвѣтственность несъ онъ передъ обожаемымъ Монархомъ и дорогой ему Россіей.

Все пережитое на войнѣ оставило глубокіе слѣды въ сердцѣ маститаго дѣятеля.

Въ 1888 г. его посѣтилъ въ Симеизѣ ген. П. Н. Вороновъ. Милютинъ прочелъ ему изъ своихъ записокъ мѣста, касавшіяся войны 1877—1878 гг., и сказалъ: «а мои недоброжелатели предсказывали передъ этой войной, что русская армія съ ея реформами будетъ въ предстоящую войну не на надлежащей высотѣ». Ходъ событій не подтвердилъ этихъ онасаній, возразилъ П. Н. Вороновъ, и знаменитый художникъ Верещагинъ тремя безсмертными картинами показалъ, что духъ войскъ и дисциплина, несмотря на реформы, остались непоколебимы. Крутится бѣшенный спѣжный буранъ, но часовой мужественно стоялъ въ траншеѣ на Шипкѣ. Часовой по поясъ занесенъ уже снѣгомъ, но онъ не покидаетъ поста. Снѣгъ и морозъ доканали безстрашнаго воина, но торчащій изъ сугроба штыкъ свидѣтельствуесть, что онъ поста не оставилъ. Командуя такими героями, Радецкій могъ писать: «На Шипкѣ все спокойно». Слушая давно знакомый разсказъ, Милютинъ проследилъся. («Рус. Стар.», 1912, мартъ).

Прошло какихъ нибудь три года послѣ войны съ Турціей и отошелъ въ вѣчность Вѣнценосный покровитель и другъ Милютина, съ которымъ онъ переживалъ и радость, и тревоги великихъ преобразованій, а также волненія государственной и политической жизни. У трона появились новые люди. Чувствовалось новое вѣяніе. На очереди стояли огромной важности государственные вопросы.

Подвигъ жизни гр. Милютина былъ оконченъ. Онъ испросилъ увольненія... Онъ не только удалился отъ государственныхъ дѣлъ, но навсегда покинулъ Петербургъ и поселился на южномъ берегу Крыма.

«Къ тебѣ, о море, я пришелъ
 На склонѣ дней, старикъ усталый,
 И полюбилъ мой тусклый взоръ
 Твое сіянье, твой просторъ
 И берега твои и скалы...
 Стою охваченъ весь тобой,
 Стихаетъ въ сердцѣ жизни горе..»

(Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ).

Милютинъ очень полюбилъ «привѣтный мирный край», гдѣ онъ жилъ въ тиши уединенія. Житейская суета осталась далеко на сѣверѣ; въ Крыму ласкали его природа и солнце юга.

На покоѣ онъ предался воспоминаньямъ. «Минувшее въ немъ оживилось». «Въ душѣ я чую пробужденіе далекихъ грезъ, давнишнихъ думъ. Онѣ бѣгутъ ко мнѣ, какъ волны, съ привѣтомъ вольнымъ и роднымъ». Опытной рукой онъ сталъ заносить ихъ въ дневникъ, котораго теперъ ждетъ съ нетерпѣніемъ вся Россія, зная, что составитель его «ни страхомъ, ни враждой, ни лестью не объять».

Труда онъ не оставилъ; онъ перемѣнилъ лишь родъ своихъ занятій.

Книга всю жизнь была его неизмѣннымъ другомъ. Стремленіе къ знанію и къ самообразованію яркой чертой проходитъ черезъ всю его жизнь. Все время онъ учился и развивался. Въ бытность Милютина военнымъ министромъ его часто можно было видѣть въ книжномъ магазинѣ Вольфа, бесѣдующимъ о послѣднихъ изданіяхъ, занимавшихъ публику. Спошенія Милютина съ фирмами Вольфа и Березовскаго не прерывались до самой кончины фельд-маршала. («Рус. Вѣдом.» 1912, № 40 и «Вѣстовой» 25 февр. 1912, № 185).

Изъ частной переписки бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина съ М. М. Стасюлевичемъ, мы узнаемъ, что на первыхъ же порахъ своей крымской жизни гр. Милютинъ составилъ статью «Военныя реформы Императора Александра II», которая и была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (1882, I). Нападки на его военныя реформы, видимо, тяготили его, и онъ желалъ передъ общественной совѣстью облегчить свою душу. Перенесеніе важнаго военного вопроса на почву раздражительной газетной полемики весьма прискорбно отражалось и на дѣлѣ, и на службѣ, а выраженное недовѣріе давало поводъ къ превратнымъ толкамъ. Гр. Милютинъ доказываетъ, что раздѣленіе военного управленія вредно. Это можно видѣть на ходѣ дѣлъ конца царствованія Александра I. Императоръ Николай I своимъ свѣтлымъ и практическимъ взглядомъ на государственное строеніе устранилъ этотъ недостатокъ. Достигнутое единство въ военномъ управленіи считалось нашимъ важнымъ преимуществомъ предъ другими государствами. Статсъ-секретарь Англіи, завѣдующій военными дѣлами, дурной для насъ примѣръ. Въ Австро-Венгріи докладчикомъ императору военныхъ дѣлъ является начальникъ штаба, но онъ дѣйствуетъ съ согласія военного министра. Въ Пруссіи раздвоеніе было результатомъ привычки и традиціи и въ одно время сглаживалось высокимъ уваженіемъ къ личности гр. Мольтке. Нашъ воен-

ный министр не пользуется особенно обширною властью; напротивъ, онъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ гдѣ-либо. По дѣламъ исполнительнымъ и по личному составу онъ только докладчикъ Государю, по дѣламъ хозяйственнымъ — только предсѣдатель военнаго совѣта.

Вся реформа 1863—1867 гг. стремилась къ одной цѣли: привести все зданіе въ стройный видъ и упростить весь сложный механизмъ. Россія—цѣлая часть свѣта и потому администратору и законодателю всегда приходится считаться съ самыми разнообразными условіями и наша регламентація всегда будетъ сложнѣе, нежели у другихъ. Умножили переписку вслѣдствіе желанія однихъ властей «подобрать все къ рукамъ» и вялость другихъ, «испрашивавшихъ» на все указаній и разрѣшеній.

Далѣе онъ развиваетъ мысль, что территоріальная система создавалась у насъ вполне естественнымъ порядкомъ и очень цѣлесообразна. («Вѣст. Евр.» 1882, янв.).

Продолжать свой очеркъ гр. Милютинъ отказался, во-первыхъ, потому, что, «получивъ новыя свѣдѣнія по предмету своей работы, онъ былъ такъ возмущенъ, что рѣшилъ не продолжать ея», а, во-вторыхъ, онъ признался, что ему не по нутру такая работа, которая, «какое нп давай ей заглавіе все-таки имѣла бы въ глазахъ публики значеніе или защитительной рѣчи обвиняемаго, или самовосхваленіе. Ни того, ни другого мнѣ не хотѣлось бы» («М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», т. I, 533, 535).

Въ кругу семьи, среди груды книгъ и документовъ, въ скромной обстановкѣ, отъ которой вѣяло жизнью сороковыхъ годовъ, великій старецъ доживалъ свой долгій и интересный вѣкъ. «Завидую вамъ», писалъ К. Д. Кавелинъ, «что вы можете спокойно жить, вдали отъ всего, въ земномъ раю». Любовь Государя Императора и признательность соотечественниковъ ласковымъ прибоемъ окружала Симеизъ. Туда не разъ пріѣзжалъ царскій посланецъ съ Монаршими милостями, туда присылались уважаемому дѣятелю привѣтствія и лучшія пожеланія русскихъ людей. Чистый и честный стоялъ онъ тамъ на берегу Чернаго моря, служа живымъ памятникомъ славнаго прошлаго Россіи, являясь символомъ эпохи желанныхъ реформъ. Мутныя волны человѣческой злобы и клеветы, даже въ дни нашей безумной бури, не смѣли обдаты его своими грязными брызгами.

Безкорыстіе всегда составляло яркую полосу въ радужномъ спектрѣ его прекрасныхъ качествъ. Онъ не бралъ, напримѣръ,

оклада, положеннаго ему по штату финскихъ войскъ. «Графъ Милютинъ», свидѣтельствуеть его современникъ, генер. В. Д. Кренке, «идеально честенъ, до того честенъ, что не имѣлъ понятія о безчестныхъ людяхъ» («Рус. Стар.» 1882, июль, стр. 137).

25-го января 1912 г. не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи. Какая кончина! За три дня до его смерти умерла его супруга. Мужъ и жена вмѣстѣ сошли въ могилу. Безжалостная смерть точно не дерзнула разлучить ихъ.

Умеръ съ тою простотою, съ какою жилъ.

«Еще одинъ свѣточъ погасъ
Средь сумерекъ скорбнаго міра.
Увы! какъ огня послѣ пира,
Мудрѣйшіе, лучшіе гаснутъ межъ насъ».

Императоръ Александръ II—весь воплощенное высокое благородство—приблизилъ къ себѣ Милютина и болѣе 20 лѣтъ не разставался съ нимъ. «Вы оказали государству услугу, которую Я ставлю себѣ въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать», писалъ о Милютинѣ Царь-Освободитель («Столѣтіе военнаго министерства», стр. 373). Многолѣтніе труды гр. Милютина были увѣнчаны Георгіемъ 2-й ст. и графскимъ титуломъ.

Императоръ Александръ III—весь воплощеніе чистѣйшей справедливости—высоко и сердечно цѣнилъ его. «Съ искреннимъ сожалѣніемъ» согласился Царь-Миротворецъ уволить Милютина и разстался съ нимъ, препроводивъ къ нему, осыпанные алмазами портреты въ Бозѣ почившаго Императора и Свой. Подпись на рескриптѣ гласила: «Искренно уважающій васъ и благодарный Александръ».

Нашъ милостивый Повелитель Государь Императоръ Николай Александровичъ вручилъ ему фельдмаршальскій жезлъ. Всѣ эти великія награды достойному дѣятелю съ восторгомъ привѣтствовала вся Россія.

Нравственный обликъ графа Милютина, доступными мнѣ красками, изображенъ. Не достаетъ одной лишь черты. На Западѣ ей придаютъ большое значеніе, у насъ она почти не цѣнится. Культурные народы неизбѣжно желаютъ знать, какъ тотъ или иной ихъ дѣятель относился къ своей родинѣ? Если онъ оказывается горячимъ патріотомъ, память его почитается съ особымъ благоговѣніемъ. Мы же обычно не справляемся о патріотизмѣ. Иначе говоря, пренебрегаемъ главнѣйшимъ духовнымъ двигателемъ госу-

дарственной и общественной жизни. Отсюда наша отсталость, наше позорное нерадѣніе о своемъ, отсюда готовность нѣкоторыхъ оптомъ и въ розницу распродать составныя части Имперіи.

Графъ Милютинъ выгодно выдѣлялся среди своихъ соотечественниковъ, такихъ, какъ кн. Суворовъ, генераль Альбединскій, министръ Валуевъ, гр. П. А. Шуваловъ, М. Х. Рейтернъ и др., занимавшихъ одновременно съ нимъ авансцену нашей исторіи въ царствованіе Императора Александра II. Вообще время было такое, что передовое наше общество утрачивало чувство истиннаго практическаго патріотизма, утрачивало пониманіе идеи исторической, единой сильной Россіи. Мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа казалась узко-національной.

Въ 1882 г. К. Д. Кавелинъ нашель необходимымъ сообщить Д. А. Милютину: «Національное чувство, національное самосознаніе видимо усиливается и охватываетъ собою больше чѣмъ когда нибудь вершины государства. Это весьма отрадный признакъ...» («К. Кавелинъ—Д. А. Милютину», 15 янв. 1882 г. «В. Евр.», 1909, янв., стр. 9).

Одинъ изъ современниковъ графа Милютина (гр. М. Н. Муравьевъ) свидѣтельствуеъ, что только онъ, Милютинъ, Зеленый и Замятинъ дѣйствовали въ чисто русскомъ духѣ. Не будь у правительственнаго руля въ многіе важные историческіе моменты Милютина, Богу извѣстно, какой оборотъ приняли бы наши дѣла въ Польшѣ, Западномъ краѣ, Финляндіи.

Въ періодъ польской смуты Д. А. Милютинъ писалъ своему брату: «Общество вообще несравненно лучше настроено теперь, чѣмъ прежде. Одни только завзятые нигилисты долгомъ считаютъ проявлять свое безпристрастіе и даже сочувствіе къ Польшѣ; вся же масса благоразумныхъ людей выказываетъ неоспоримый порывъ патріотизма, опровергающій множество идей, распространенныхъ за границу нашими революціонными выходцами и нелѣпыми туристами» (Ник. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 20, стр. 143). Въ польскихъ дѣлахъ Д. Милютинъ особенно высоко держалъ знамя русской политики, предсѣдательствуя послѣ Чевкина въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго.

Будемъ же и мы, по примѣру передовыхъ націй, воздавать сугубую честь тѣмъ изъ нашихъ славныхъ дѣятелей, которые сами вѣрили въ великое будущее Россіи и въ насъ поддержали эту политическую вѣру, безъ которой нѣтъ ни возвышенныхъ мыслей, ни великихъ дѣлъ, ни самага героизма.

«Сначала русский—потомъ министръ», сказалъ П. А. Столыпинъ. Таково и мое скромное мнѣніе. Къ числу такихъ лицъ относится и гр. Милютинъ съ его просвѣщеннымъ патриотизмомъ. А потому Россія не должна засыпать пепломъ равнодушія имени одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ. Мы же, члены единой великой и славной военной семьи, зная, что онъ многіе годы составлялъ ея лучшее украшеніе и являлся ея гордостью, сохранимъ навсегда въ нашей признательной памяти славное и чистое имя Милютина.

М. Бороднинъ.

